

Роман СЕНЧИН

Родился в 1971 году в Кызыле, Тувинская АССР. Работал монтажником, дворником, грузчиком. По окончании Литературного института вел в нем семинар прозы (2001–2003).

Публикуется в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Новый мир», «Знамя», «Нижний Новгород», «Урал» и других. Автор ряда романов и сборников рассказов. Роман «Елтышевы» в 2011 году вошёл в шорт-лист премии «Русский Букер десятилетия» и принес автору Премию правительства РФ (2012). В 2015 году за роман «Зона затопления» удостоен третьей премии «Большая книга», в 2017-м – премии «Писатель XXI века» в номинации «Проза» (за книгу «Постоянное напряжение»).

Живет в Екатеринбурге.

ЗНАК

Удивительно пустеют бутылки в большой компании. Вот появляется высокая, основательная литруха «Беленькой»; еще и тост путем произнести не успели, а она уже под столом. И стопки опять надо наполнять.

Последний день фестиваля. Вернее, вечер. Окончены семинары с их критикой, сдержанным одобрением и обязательным ободрением, позади поездки по области, поэтические и прозаические слэмы. Попрошались, сделали общее фото на фоне берез. Завтра в девять утра подъедут автобусы, участники затолкают сумки в багажные отсеки, плюхнутся на сиденья. Полчаса до города во глубине одного южносибирского региона, а оттуда поезда, самолеты и другие автобусы развезут их по стране.

Молодежь гуляет в соседних корпусах детского лагеря «Антрацит», а руководители семинаров, почетные гости фестиваля собрались в этом, четвертом, крайнем и отдаленном от остальных.

Просторная комната. То ли бывшая столовая, то ли помещение для совещаний вожатых. Длинный стол. Очень подходящий, напоминающий столы из фильмов про Средневековье. Там рыцари, или бояре, или простой люд сидит за общим столом и пирует. И они пировали.

Почти все знают друг друга давным-давно. Десять-пятнадцать, а то и двадцать лет. Но стариков нет, и юнцов тоже. Сорок – пятьдесят: хороший возраст для литераторов. Тем более что книги выходят, публи-

кации появляются. И гонорары какие-никакие. Так что особенно обиженных судьбой здесь нет.

Вспоминали разные истории, случаи, а вспомнить было что – некоторые и дрались друг с другом когда-то, и романы случались. Не в смысле литературного жанра, а отношений... Вроде перебесились, теперь вспоминали веселое, грустновато-сладкое, порой курьезное. В общем, нескучно было.

Друг друга перебивали, много смеялись, пели народные песни и про «Выйду ночью в поле с конем», которая тоже пелась как народная, снова вспоминали случаи и анекдоты, подаренные самой жизнью, а не придуманные кем-нибудь.

Что-то такое из давнего, из студенчества застолье напоминало. Тем более сотовой связи с интернетом не было, и никто не таращился в «Айфоны», «Самсунги», «Асусы»...

В первый день, когда только высадились из автобусов, многие тут же достали телефоны, и через несколько секунд послышалось: «А связи, что ли, нет?.. Не ловит!» Игорь, организатор фестиваля, громко объявил: «И не будет ловить! Это ведь детский лагерь». Потом, на вопросы, есть ли выход к реке – лагерь был огорожен забором из профлиста, пожал плечами: «Нет выхода, это ведь детский лагерь». То ли шутил так, то ли всерьез говорил, но после этого на любой недоуменный вопрос следовал чей-нибудь ответ-объяснение: «Это ведь детский лагерь». И дружный смех вслед за этим... На любом фестивале появляются подобные фишечки, которые живут потом многие годы.

– Так, и что, больше действительно нечего выпить? – спросил прозаик Роман.

– Нечего, – вздохнул организатор и поэт Игорь, а другой поэт, Григорий, добавил:

– Это ведь детский лагерь.

Засмеялись, но невесело.

– Ладно, ребята, я спать, – сказал Игорь. – И вам настоятельно советую. Завтра подъем в восемь. Не хочется кого-то ждать.

– Да-да, мы помним...

Вышли на крыльцо покурить. И до этого, конечно, выходили, но по два-три человека, а тут все, даже те, кто не курил. Подышать перед сном.

Была уже ночь. Свежая, но не прохладная, тихая, июньская. Надрывались какие-то птички, в реке за забором плескались рыбы и шуршали камыши.

Спать не хотелось. Вернее, не хотелось расходиться по комнатам, обрывать общение. Мало ли что будет потом, получится ли еще вот так этой компанией посидеть. Времена тяжелые, тревожные; ходят слухи, что перестанут финансировать фестивали, прикроют гранты, вообще урежут бюджеты. А к грантам и фестивалям привыкли...

Да и опьянения особого не было. То ли от богатого кислородом воздуха, то ли от того, что много говорили и много пели. Когда молча пьешь – быстро пьянеешь, а когда не молчишь – наоборот. Наверное, потому и придумали петь за праздничными столами – чтоб не срубало. Ну и танцы-пляски, скандалы, легкий мордобой, видимо, тоже...

– Какие планы? – задал новый вопрос прозаик Роман; слыл он одним из самых пьющих, по крайней мере почти во всех его вещах персонажи пили или болели с похмелья.

– А какие могут быть планы, – усмехнулся другой прозаик, Дмитрий, – были бы в городе...

– Но ведь рядом есть деревня, – многозначительно сказала Татьяна, организатор другого, в соседнем регионе, литературного фестиваля.

– И ты предлагаешь... – Дмитрий не договорил – и так было понятно.

Татьяна кивнула:

– Вот именно.

– Это, кстати, выход, – подобрался Роман. – Двинем?

– Не вижу причин тянуть.

– Ребя-ата, ну вы что! – остановил прозаик Даниэль; он был самым взрослым в компании, носил короткую, но густую бороду, которую хотелось называть окладистой, если бы это слово давно не стало в отношении бороды штампом. – Половина второго, до деревни идти полчаса. И не факт...

Роман перебил:

– Вот и увидим – факт или не факт. Я верю в сибирскую деревню. Как она без самогона? – Он успел пожить чуть ли не в половине городов-миллионников, сейчас был зарегистрирован в Екатеринбурге, но считал себя сибиряком – в ней ведь родился и вырос...

– Я бы не отказалась от стопочки самогонки, – сказала Татьяна.

– Да откуда у них самогонка, – фыркнул прозаик Дмитрий. – Его гнать надо, а это труд. Спирт с ближайшего завода – в лучшем случае.

– Не знала, что ты такой пессимист.

– Я, Тань, не пессимист, а реалист. Зуб даю, что самогонки мы не найдем.

– О! – Роман еще сильнее оживился. – Это уже серьезно.

– Наличка есть?

– Есть.

– Тогда пошли.

Пошли втроем – Татьяна, Дмитрий и Роман.

Лагерь почти уснул. Изредка раздавались голоса в темноте, тихие смешки. Наверняка кто-то из молодняка успел сдружиться, склеиться в пару, и теперь не мог расстаться.

У ворот, закрытых и днем – это ведь детский лагерь, – находился домик охранников или вахтеров, а за ним – собака на цепи. Собака залаяла. Не громко, не зло, а так – чтоб разбудить человека в домике.

Разбудила, или не спал человек, – очень быстро к воротам вышла женщина. Не молодая, но и не старая.

– Выпустите нас на часик, – попросила Татьяна. – Погулять.

– Выпущу, конечно. – В голосе женщины не послышалось радости по этому поводу, впрочем, и ворчливости тоже; она стала отмыкать на-весной замок.

– Извините, а такой вопрос, – начал Дмитрий тихо, доверительно. – Не подскажите, в деревне где-нибудь можно веселящих напитков приобрести?

– Что?

– Гм, алкоголя... Самогонку, например?

– У нас никто этим не занимается, – не меняя тона, ответила женщина.

– Да?..

– Что, пойдете? – Она придерживала воротину.

– Правда, не купим?

– Правда, правда. Зря только время потратите.

Татьяна, Дмитрий и Роман всмотрелись друг другу в глаза – в прямом смысле, буквально всмотрелись – и прочитали там:

«А что она может ответить?» – «Ну да, не скажет ведь: конечно, торгуют, вот адреса». – «По-любому где-нибудь продают». – «Надо идти».

– Ладно, хоть так прогуляемся, – сказала Татьяна женщине. – Не спится.

– Ваша воля. Гуляйте.

И тут сзади, со стороны корпусов, послышались шаги. Торопливые.

– Блин! – вырвалось у Романа; он решил, что это Игорь увидел их в окно, понял, что пошли догоняться, и вот решил завернуть.

Но это был не Игорь, а поэтесса Александра и прозаик Даниэль.

– А вы чего? – спросил Дмитрий.

– Подумали: как вы без нас. Еще в какую историю вляпаетесь. А мы с Александрой люди представительные, будем вас курировать.

Продолжили путь впятером. Впереди шагал невысокий, тонкий, в камуфляжном кепи очень похожий на кубинского партизана Дмитрий, за ним Татьяна и Роман, сзади действительно представительные, теперь не спешащие Даниэль и Александра.

Дорога была грунтовой, но ровной, хранящей на себе остатки гравия. По обе стороны от нее – густой березняк вперемешку с безымянными кустами.

Как только дорога слегка завернула, свет фонарей на территории лагеря исчез, и пришлось подсвечивать себе смартфонами.

– О, связь появилась, – сказала Татьяна; Дмитрий оглянулся, объяснил:

– Ну ведь это уже не детский лагерь.

– Логично.

Коротко и слегка натужно хохотнули.

Особой веры в успех похода ни у кого не было. Может, уже и жалели, что отправились, поддавшись порыву, вдруг взывавшему в одном месте детству. (Не детству, конечно, а юности, но не стоит придирается к словам.) К тому же знали, путь до деревни неблизкий – километра три уж точно. И что их ждет там, в ночной деревне...

Круглосуточный магазин с ящиками водки под прилавком уж точно из области мечтаний. Не дошло у нас еще абсолютное большинство деревень до устройства круглосуточных магазинов. Вся надежда на дом с горящим призывно окном.

Такой дом обнаружился почти на краю деревни – третьим или четвертым.

К калитке пошли Дмитрий и Роман. Даниэль и девушки остановились поодаль. «Прикроем тылы».

Стучали интеллигентно, костяшками пальцев. Во дворе было тихо – собаку хозяева, очевидно, не держали... Можно было постучать в окно, но дорогу к нему преграждал штакетник палисадника. Забираться туда – это как посягать на чужую территорию. Опасно.

Дмитрий сжал руку в кулак и несколько раз ударил по железу калитки. Бум-бум-бум, и басовитый, слегка вибрирующий звон.

Постояли, подождали. В доме и во дворе по-прежнему не слышалось звуков жизни... Дмитрий снова приподнял кулак, Роман остановил:

– Не надо, а то еще выстрелят.

Как только подошли к тылам, Даниэль вздохнул облегченно:

– Ну что, домой?

– Как это! – Дмитрий фыркнул. – Всё только начинается.

– Ты ведь говорил как раз, что найдем.

– Я говорил, что не найдем самогонку, а спирт или водяру – вполне. Пошли дальше.

Деревня была большая, порезанная оврагами. Дома стояли на ровной поверхности, а огороды стекали по склонам. И улицы извилистые, замысловатые.

Понятно, ничего этого сейчас не было видно – редкие фонари освещали малые пятячки вокруг себя, – но проезжали через село в последние дни несколько раз, да тем более Даниэль и Роман буквально сегодня приходили сюда за алкоголем, и сейчас Даниэль громко сокрушался, что:

– Ну почему не взяли еще? Что мешало?! Тыщу рублей пожалели?!

– Две лишние поллитровки ничего б решили, – категорично сказала Татьяна. – Здесь дело не в количестве.

– А в чем?

– В процессе.

– Прошу пояснить, – произнес Даниэль тоном петербургского профессора, но Дмитрий поднял руку:

– Тихо!

Замолчали и услышали увлеченный мужской голос, потом женский смех, снова голос, снова смех.

– Это возлемага, – сказал Роман. – Неужели работает...

Пошли туда скорым шагом, будто боялись, что не успеют.

Магазин был безлюден и чёрен, лишь над входом горел красной точкой огонек охранной сигнализации. А рядом пусть не кипела, но наблюдалась хоть какая-то жизнь. На деревянном столе сидели две женщины, перед ними, беспрестанно слегка приседая, делая шаг назад, шаг вперед, словно бы пытался плясать мужчина с пластиковой бутылкой в руке. Женщин, мужчину, вкопанный стол и лавку, служившую женщинам опорой для ног, освещала лампочка фонаря. Тусклая, ватт, наверное, на семьдесят пять. Да и фонарь был, кажется, самодельный – плохо отёсанный, покосившийся столб...

– Здравствуйте! Добрый вечер! – поздоровались Татьяна, Даниэль, остальные.

Мужчина – вернее, парень, но лет сорока – прекратил попытки, замер. Женщины тоже не двигались и не отвечали. Видимо, чужие, тем более ночью, появлялись здесь нечасто.

– И вам добрый, – наконец ответила одна из женщин, в безрукавке с крупными розами; произнесла это скорее вопросительно. Дескать, чего забыли?

– Не подскажите, алкоголь у вас где-нибудь можно купить? – без обиняков и тому подобного спросила Татьяна.

Парень и женщины, вроде как слегка отошедшие от неожиданности, снова напряглись.

– А вы, извиняюсь, откуда будете? – задал ответный вопрос парень, и по интонации было ясно, что он не очень трезв. И не очень приветлив.

– Мы из лагеря, – махнул рукой Дмитрий. – Семинар у нас...

– Менеджеры?

– Почему?

– Ну не шахтеры же, – усмехнулся парень.

– Мы, так сказать, писатели, – снова тоном петербургского профессора произнес Даниэль; он и был коренной петербуржец.

– Ух ты! Реально, книжки пишете? – женщина в безрукавке хитро прищурилась, она явно не доверяла подошедшим.

– Реально. Сегодня последний день семинара. Посидели, и не хватило, – стал объяснять Дмитрий. – У вас-то должны продавать.

– Почему – должны? Днем продают, а после одиннадцати – закрыто.

– Но вы вот что-то пьете...

Парень и женщины пристально, точно так же как до того Татьяна, Роман и Дмитрий, посмотрели друг на друга. И что-то там сказали друг другу глазами. Наверно, что никакие перед ними не писатели, а эти, которые узнают, где торгуют незаконно пойлом, чтоб потом оштрафовать.

– До одиннадцати купили, молодые люди, – сказала другая женщина, постарше и вроде бы почти трезвая. – А теперь – потребляем. Что, нельзя?

– И мы хотим потреблять... Нет, правда, мы писатели. А писатели обычно любят выпить. То есть необходимо бывает...

– Так почитайте, что пишете.

Роман хмыкнул:

– Извините, книг не захватили.

– Мы вот прозаики, – кивнул на Даниэля и Романа Дмитрий. – Прозу сложно наизусть заучить.

– А стихи, что, не сочиняете? – все больше как-то нагляя, спросил парень; отказ подтвердить свое писательство, видимо, почти убедил его: это засланные казачки.

– Я сочиняю, – сказала Александра.

И сразу стало очень тихо. Тишина ожидания образовалась. Немного, признаться, жутковатая.

Александра секунду назад, может, и не хотела декламировать, тем более нынче многие поэты и не помнят свои стихи, читают по бумажке. Поэтому на Александру смотрели одни – местные – с любопытством, а другие – ее коллеги – с тревогой.

Но Александра помнила, и без мучительных вздохов, обозначающих у поэтов обычно поиск подходящего произведения, а иногда подсознательное кокетство, начала:

Мне кровным братом сделался вокзал
В дурной привычке расставаться молча...
Когда один фонарь на весь квартал
И тот разбит, как не завывать по-волчьи?

Как не завывать, когда из года в год
Один сценарий: дом – работа – дача,
Когда аптекарша, краснея, подает
Тебе презервативы вместо сдачи?

И каждый вечер, по пути домой,
Как не мечтать свернуть и заблудиться,
Когда квартира, делаясь живой,
Тебя подстерегает хищной птицей?

Александра прочитала стихотворение с особым, авторским, выражением. Конечно, у каждого оно свое, но любой, наверное, отличит авторское чтение от актерского. И местные без уточнений, типа: «А это точно твое?» – поверили.

– Мощно ты... В точку.

– Прямо реально – до слез! Как не завывать, действительно... – Женщина в безрукавке с розами слезла со стола. – Дай обниму.

Обнялись. Поэт и... ну, не читатель, а слушатель. Для поэта благодарный слушатель наверняка важнее читателя. А может, и нет. Но сейчас было трогательно. Ночь, деревня, закрытый магазин, стихи и благодарность.

А потом местные стали помогать пришлым искать алкоголь. Обсуждали между собой, к кому пойти, женщина в безрукавке куда-то звонила и никак не могла дозвониться. Парень всё предлагал пойти к некоей Михалне, а женщина постарше категорически запрещала:

– Ее спиртягу один раз пьют. Потом в дурку или на кладбище.

– Я ж пью, – с чем-то вроде гордости отвечал парень.

– Ну и во что превратился?

Парень вроде как соглашался, что «превратился», и Татьяна, Дмитрий не настаивали, чтоб их вели к Михалне.

– Счас всё будет, – время от времени говорила женщина в безрукавке. – Счас Славка приедет – отвезет. Всё будет.

Литераторы переминались, подгибая то одну ногу, то другую. Они начали уставать. Бодрость, которую влили в них алкоголь, разговоры и пение, свежий воздух и марш-бросок сюда, почти иссякла; хотелось присесть, а лучше – оказаться в корпусе, лечь в кровать, накрыться одеялком.

– А вы все из города? – спросил парень.

– Мы из разных городов. Татьяна – из Красноярска, Александра – из Барнаула... – стал перечислять Даниэль.

– Да-а, везет вам. А мы тут родились, тут и помрем. В Драчёново... Меня, кстати, Витька зовут.

Прозаики инстинктивно поморщились – штамп. Современный деревенский, так, конечно, Витька или Юрка. Как говорится: других имен не было...

– В смысле, Драчёново? – спросил Роман.

– Ну, деревня наша так называется. Не знали?

Витька из Драчёново...

– В наше время еще суметь надо умереть на родине, – заметил Дмитрий.

Сам он был из маленького и вымирающего городка на окраине Ленинградской области, давно жил в Петербурге, и ничего не располагало к тому, что когда-нибудь возьмет и вернется...

Послышался звук. Не звук, вернее, а целая куча звуков. Рев, треск, скрип, хлопки. Куча эта приближалась. И просыпались собаки – недовольно гавкали, а потом, поняв, что куча не влетит к ним во двор, замолкали и засыпали.

– Эт Славка, – объявила женщина в безрукавке. – Счас свозит.

Кучей звуков оказался старый «жигуль» непонятно какой модели. То ли «тройка», то ли «шестерка» – угадывались четыре фары. Но светила лишь одна, крайняя слева, а с правой стороны вместо них были лишь ржавые чаши и висящие обрывки проводов.

Решетки радиатора нет, бампера и номера тоже. Кузов не просто помят, а измят, будто великан в стальных перчатках решил слепить из машины колобок.

– Чё-куда? – высунулся из окошка водила лет двадцати пяти, с короткими волосами, гугнявым голосом. Опять же – типичный житель деревни. Казалось бы, на третьем десятилетии двадцать первого века не может быть ни таких автомобилей, ни таких парней и женщин, гугнявость излечиваться должна в первом классе... И литераторы наверняка подумали: вот опиши их, и критики, если таковые найдутся, стопро-

центно скривятся. Дескать, ну сколько можно пихать персонажей из девятых, множить этих «реальных пацанов» из тээнтэшных сериалов!

Но стоит прийти в деревню не в первой половине дня, когда «жигуль» прячется за воротами, его владелец дрыхнет во времянке, а в два часа ночи, и вот они. И куда от них денешься? Точнее, в них появляется нужда: они найдут, отвезут, помогут купить...

Витька со Славкой заговорили на своем языке и со своей интонацией, так что понять их было литераторам невозможно. Стояли и ждали, что те решат.

– Ну прыгайте кто, – сказал Славка.

– Что? – не понял Роман.

– Поехали, говорю.

Роман сел на переднее сиденье, Татьяна стала забираться на заднее.

– Ой! – вскрикнула. – Здесь кто-то.

– Да Киря наш! – Славка хмыкнул с бульканьем, точно бы втянул из носа в горло ком соплей. – Вместишься?

– Постараюсь.

Татьяна вместилась, попыталась закрыть дверь.

– Да сильнее, – сказал Славка. – Хлопай, как от мужа уходишь. Во, молодец... Умешь!

Мотор схватил попытки с десятой. Заурчало, зафыркало, завелось. Тронулись.

Дорога была вроде относительно ровной, но машину трясло, каждая неровность отдавалась в задницах болезненным ударом, толчком. Казалось, что ехали на спущенных колесах, а в сиденьях совсем нет набивки. Когда сворачивали, кузов начинал вибрировать и трястись, будто не хотел подчиняться шасси.

Славик вел, навалившись корпусом на тонкий обод руля, и Роману стало страшно, что сейчас руль согнется, сломается, и они влетят в чей-нибудь огород или ухнут на дно оврага...

Нет, добрались вроде до места. По крайней мере Славик остановил машину. Вывалился из салона. То ли тоже выпивший был, то ли просто неуклюжий.

– Ну вот, здесь, – кивнул на не по-сибирски легкую и низкую изгородь и такую же, из штакетника, калитку.

Роман подошел, постучал. Подождал. Еще постучал.

– Да разве так услышат! – хмыкнул-булькнул Славка и заорал: – Хозяева-а! – С ударением на «а». Потряс калитку.

Во дворе и в доме было тихо, зато у соседей зашлись собаки.

– Эй-й, хозяева-а-а!

Славка перегнулся, отодвинул щеколду, пошагал к дому. Роман остался. К нему подошла Татьяна.

Молчали. Может быть, хотели сказать друг другу, что плохая это оказалась затея, но не говорили. Ждали, чем кончится.

Что-то погромело на веранде. Потом вернулся Славка.

– Нет их, что ли, или спят балдые.

– Возвращаемся?

– Ну а чего...

Киря всё так же спал, привалившись головой к рваной обшивке. Рванули. Затряслись внутри кучи из рёва, треска, скрипа...

Витька и женщины расстроились, что не получилось купить. Снова заговорили на своем языке, и снова Славка наконец объявил:

– Прыгаем!

На этот раз отправились Дмитрий, Роман и Витька. Чтобы освободить место, вытащили Кирию. Тот оказался высоким и совсем молодым. Недоуменно моргал и озирался.

– Иди, сына, ляг на стол, – сказала женщина постарше. – На вот пакет под голову подложи.

Лечь на стол... Литераторы, в свою очередь, недоуменно посмотрели на женщину, но промолчали...

Новая бригада умчалась, а Татьяна, Александра и Даниэль остались ждать. Другого не оставалось.

Даниэль показно зевал, Татьяна и Александра, сибирячки не только по рождению, но и складу характера, демонстрировали образцовое терпение. Казалось, могли простоять здесь сутки, ожидая результата.

– Это, значит, сын ваш? – отзевавшись и встряхнувшись, спросил Даниэль.

– Но, – женщина постарше кивнула, – догуливает.

– В смысле?

– Повестка пришла – в армию надо.

– Но ведь такая обстановка, – сказала Татьяна.

– А что делать... Куда он без военного билета?..

Вздохи поддержки. Молчание.

Слушали, как там, где там куча звуков. Но было тихо. И собаки, устав просыпаться и тявкать, молчали.

Чернеют дома и сараи, ленты заборов. Скупой свет фонарей, и свет такой, из желто-белых точек словно, как на картинах пуантилистов. Может, они и не рисовали фонари, но напоминает почему-то... Влажно стало, вот и появилась в воздухе... как точнее определить... зернистость. Да, именно, она самая...

Загудело вдалеке, захлопало. Собаки подключились. Пить ни Даниэлю, ни девушкам уже совсем не хотелось, но почему-то заволновались, гадали: удалось купить или нет. Азарт, в общем, забурлил. А что делать с купленным? Вряд ли полезет сейчас. Впрочем, не пропадет.

Нет, не удалось. Выбрались Дмитрий и Роман из машины расстроенные, хмурые. Роман вялый, а Дмитрий, наоборот, взвинченный, заведенный.

– Что будем делать? – спросил. – Какие еще варианты?

Местные заспорили о старом: идти Михалне за спиртом или нет.

– Лучше уж до города мотнуться, – сказал Славка.

– Во, правильно! – тут же согласился настаивавший только что на Михалне Витька. – Я там стопудовую точку знаю.

– А далеко до города?

– Да минут двадцать! Дорога щас чистая. Погнали.

– Погнали. – Дмитрий поправил своё кепи и открыл дверцу «жигуля».

– Дим, может, не надо, – предложила, но как-то веско, повелительно Татьяна, и Даниэль с готовностью подхватил:

– Надо остановиться.

– Вон уж солнце встает, – добавила Александра.

Действительно, из-за горизонта высовывалась белая кочка, от которой по сначала алому, потом бордовому, затем голубому и наконец темно-синему небу разлетались лучи.

– Да быстро сгоняем, – попытался убедить Витька. – И посидим...

– Роман, ты как? – спросил Дмитрий, держась за дверцу.

– Наверно, действительно пора остановиться, – ответил тот, с отвращением затягиваясь сигаретой.

– Ну вы ведь тогда проиграли.

Только сейчас вспомнили, что спорили насчет покупки алкоголя в ночной деревне.

– Что ж делать...

Стали прощаться с местными. Роман тихо попросил Татьяну:

– Дай двести рублей. У меня крупные... Парня отблагодарю за бензин.

Татьяна дала. Роман протянул Славке:

– Вот, заправиться.

Славка замахал руками, фыркнул, булькнул:

– Не! Я ж от сердца.

– Мы тоже.

– Не надо.

– Ну ладно, спасибо.

Обратно шли молча, устало и в то же время торопливо. Лечь, лечь... Не было шуток, которые сопровождали их путь в деревню, не грела больше надежда. Лишь Дмитрий не всерьез, кажется, сокрушался, что ни на что не поспорил с Татьяной и Романом. Сам-то зуб предложил, а они – ничего.

Вон жидкое электрозарево лагеря. Равнодушно-механический, как дверной звонок, лай собаки.

Входили в уже отпертые женщиной ворота.

– Нагулялись?

– Нагуля-ались.

Миновали затрухляевшую беседку, белый шатер, в котором проводились семинары поэзии, первый, крепко спящий, корпус, второй. А возле третьего тусили паренек и две девушки. В отличие от деревенских юные, но не такие шумные. Паренек не пританцовывал, а тихо стоял, девушки сидели. Разговаривали о чем-то. Без смешков.

Паренек оглянулся на звук шагов, махнул рукой:

– Извините, сигаретки не будет?

– Будет, – сказал Дмитрий.

– Чего не спите? – спросил Даниэль.

– Да что толку уже... Общаемся.

– Правильно. Потом эти дни вспоминать будете.

– О мёд воспоминаний, – совсем поэтично сказала одна из девушек. Может быть, она была третьей лишней.

Паренек просительно посмотрел на Дмитрия:

– Можно парочку?

– Бери.

В ответ паренек протянул бутылку с этикеткой «Coca-Cola». Внутри была прозрачная жидкость.

– А почему цвет такой? – усмехнулся Роман. – Импортозамещение? Без заморских ингредиентов?

– Абсолютно.

Тем временем Дмитрий отвинтил крышку, понюхал, прежде чем пить, и как-то растерянно глянул на Даниэля, Татьяну.

– Самогонка.

– Да л-ладно?

Дмитрий дал бутылку Даниэлю. Даниэль, понюхав, Роману. Роман Татьяне. Татьяна Александре. Александра нюхать не стала, кивнула: мол, верю.

По очереди и глотнули. Шумно подышали. Потом Дмитрий спросил:

- И что это значит?
- Это значит, что ты все-таки проиграл, – ответила Татьяна.
- Вовсе нет.
- Самогонку-то мы нашли.
- Но не в деревне?
- Вы не из Драчёново случайно? – обратился Даниэль к пареньку.
- В смысле?
- Не из этой деревни, которая рядом?
- Нет. Из Новосибирска.
- А самогонка откуда?

Паренек набычился, как пойманный за курением старшеклассник, но ответил твердо:

- Родительская. Они живут в Колывани...
- Хорошо. Значит, – резюмировал Даниэль, – ничья. И пойдёмте спать, товарищи.
- Но ведь зачем-то самогонка появилась? Какой-то знак.
- Бытовая мистика.
- Сюжет для небольшого рассказа.
- О, давайте каждый напишет! – предложил Дмитрий.
- Давайте.

Еще по разу приложились к бутылке, вернули ее ничего, кажется, не понимающему пареньку и пошли к своему корпусу.

- Странно, конечно.
- Еще как...

Глубже анализировать произошедшее сейчас ни у кого из них не было сил.